

именных словосочетаний. Структура словосочетаний с числительными бывает простой и сложной; связь между компонентами чаще всего подчинительная, но в математических текстах встречаются конструкты-клише с сочинительной связью компонентов; иногда в роли определяемого выступают слова, не поддающиеся расчлененному подсчету, поэтому между компонентами именных словосочетаний могут использоваться слова-нумеративы и числовые детерминативы; числительное может располагаться как постпозитивно, так и препозитивно; возможна субстантивация числительных; словосочетания рассматриваемого типа могут быть устойчивыми и свободными, устойчивыми фразеологизированного и нефразеологизированного характера.

Перспектива дальнейших исследований. Собранный нами фактический материал исследования показывает, что в крымскотатарском языке нередко используются глагольные словосочетания с именем числительным в зависимой части. Наша следующая статья будет посвящена рассмотрению данной проблемы.

Источники и литература:

1. Пазова Л. К. Словосочетания с числительным в роли стержневого слова в русском и абазинском языках : [Электронный ресурс] / Л. К. Пазова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2006. – № 2. – С. 19-20. – Режим доступа : http://www.pglu.ru/media/vbook/vestnik/vestnik2006_2_04.php
2. Кузнецова Н. Г. категории лица и числа Южноселькупского глагола : [Электронный ресурс] / Н. Г. Кузнецова // *Linguistica Uralica*. – 1994. – № 1. – С. 35-52. – Режим доступа : <http://books.google.com.tr/books?id>
3. Хен Ли Су. Синтаксический подход к именной генитивной конструкции : [Электронный ресурс] / Ли Су Хен // *Sosyal bilimler dergisi*. – С. 65-88. – Режим доступа : <http://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:4Q-ZaQSF-2IJ:yordam.manas.kg/ekitap/pdf/Manasdergi/sbd/sbd14/sbd-14-07.pdf>
4. Быконя В. В. Структурно-морфологическая система числительных и история ее формирования в диалектах селькупского языка : [Электронный ресурс] : дис. ... докт. филол. наук / В. В. Быконя: – Йошкар-Ола, 1996. – Режим доступа : <http://books.google.com.ua/books?id>
5. Меметов А. Крымтатарский язык : учеб. пособие / А. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь : Крымчупедгиз, 2003. – Ч. I : Общие сведения о языке; Ч. II : Морфология. – 288 с.
6. Мусаев К. М. Синтаксис караимского языка / К. М. Мусаев. – М. : Academia, 2003. – 347с.
7. Джапар А. Синтаксический строй кыргызского языка : учеб. для вузов / А. Джапар; М-во нар. Образования Респ. Кыргызстан, Каф. кырг. языкознания КГУ. – Б. : Мектеп, 1992. – 351 с.
8. Меметов А., Мусаев К. Там же.
9. Белянин В. П. Введение в психолингвистику / В. П. Белянин. – М. : ЧеРо, 1999. – 128 с.
10. Кокиева А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары / А. Кокиева // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 182.

Сокращения:

- Р.М. – Мурад Р. «Даглар сонатасы»
 С.Н. – Нагаев С. Йылнамелердеки излер
 А.О. – Одабаш А. Унутмайджакъ
 ТМДЖ – Тапмаджалар / Топлагъан, ишлеген ве тертип эткенлер : Ш. Асанов, А. Велиев; рессам З. трасинова. – Т. : Эдебият ве санъат нешрияты, 1988. – 136 б.
 Сл – Абдуллаев Э. М. Русско-крымскотатарский учебный словарь : более 5000 слов / Э. М. Абдуллаев, М. У. Умеров. – Симферополь : Крымчупедгиз, 1994
 Лугъ – Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь / сост. С. М. Усеинов. – Симферополь : Изд-кий дом «Тезис», 2007. – 640 с.
 Мат-ка – Возняк Г. М. Математика : 5-джи сыныф дерслиги / Г. М. Возняк, Г. Н. Литвиненко, М. П. Маланюк. – Симферополь : Сонат, 1999. – 248 с. – ISBN 966-7347-15-X

Алиева В.Н.

УДК 811.512.145/367.633

ТИПОЛОГИЯ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ С ПОСЛЕЛОГАМИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Постановка проблемы и актуальность. Совершенствование грамматики крымскотатарского языка шло под влиянием внутренних и внешних факторов. Его современная языковая система характеризуется увеличением количества аналитических конструкций, которые являются сочетанием знаменательного и служебного слов. Значительное место в развитии вышеназванных слов занимают послелого. Как особые средства выражения синтаксических отношений послелого во многом напоминают предлоги, но тюркологи отмечают и своеобразие данной категории. Это касается места, занимаемого ими относительно знаменательных слов, ограниченности количества, особенностей падежного управления. Отметим, что объем, границы и потенциал послелогов в крымскотатарском языке исследован незначительно.

Послелогои используются для связи слов в словосочетании и предложении, для дополнения, конкретизации основного компонента, с которым они сочетаются. Интерес к данной категории слов связан с тем, что, являясь специальным предметом изучения (см. работы Н. А. Баскакова, Н. К. Дмитриева, Ф. Р. Зейналова, В. А. Исенгалиевой, А. Н. Кононова и др.), они до настоящего времени исследованы недостаточно: ведутся дискуссии о служебных именах, не определена роль послелогов в росте аналитизма в тюркских языках.

Объектом настоящей работы являются наиболее употребительные послелогои крымскотатарского языка. Наша цель – определить особенности поведения послелогов в составе словосочетания.

В силу утраты знаменательности и усиления формальной стороны слова, перешедшие в послелог, становятся выразителями синтаксических отношений, подобных отношениям, выражаемым падежными аффиксами. Это сходство послужило в своё время основанием для отождествления послелогов и падежных указателей. В «Общей грамматике турецко-татарского языка» М. Казем-Бека к послелогам автор относит «буквы или слоги, характеризующие падежи, а также служебные имена, вспомогательную частицу» [4, с.356].

Являясь средством связи слов в предложении и выражая разную соотнесенность между членами предложения, функционально данная категория тесно связана с падежной системой. Однако, на наш взгляд, послелогои не достигли той степени грамматикализации, которая характерна для последних.

Некоторые послелогои, например *иле/-ле/-нен* «с», «посредством», «вместе с» – максимально приближаются по своим синтаксическим признакам к падежным аффиксам, тем самым увеличивая число «агглютинативных прилеп», а значит, и укрепляя агглютинативный строй языка. Развитие падежных аффиксов из послелогов – явление, характерное не только для тюркских языков. П. С. Кузнецов, например, в «Очерках по морфологии праславянского языка» связывает происхождение падежных формантов в славянских языках со служебными частями речи [6, с. 43-48].

В словосочетании послелогои характеризуются способностью синтаксического сочетания со знаменательными словами (именем существительным, местоимением, именной формой глагола или субстантивированным словом), которые стоят перед ними и образуют вместе с послелогом зависимый член предложения, управляемый другим членом предложения.

Управление, как известно, один из видов подчинительной связи, при котором падежная форма управляемого слова определяется лексико-грамматическими свойствами управляющего слова. В крымскотатарском языке, как и в других тюркских языках, подчиненная часть словосочетания выражается именами и субстантивированными словами, местоимениями, управляющая часть – спрягаемыми глаголами, глагольными именными формами и послелогоми. В тюркологии принято выделять три типа управления:

- 1) глагольное;
- 2) именное;
- 3) послеложное [2].

Мы придерживаемся данной классификации, принимая во внимание следующее: поскольку послелогои не обладают в полной мере семантической самостоятельностью, то значит не имеют возможности образовать словосочетание. Послелог – важнейший элемент данной конструкции, что не мешает ему оставаться вспомогательным средством, так как основное значение имеют семантика и грамматическая форма стержневого компонента.

Это значит, что к вопросу об управлении стержневых слов послелогоми следует подходить с большой осторожностью. Вероятнее всего, данные слова, будучи самостоятельными и полнозначными, обладали способностью к управлению каким-либо падежом, эту способность они сохранили и в служебной функции. В результате наблюдается своеобразное распределение: слово-доминанта, подчиняющее и требующее какого-либо падежа существительного, выступает как вспомогательное средство (в данном случае послелог), в котором первичная форма сохранилась в застывшем виде, содержание же полностью изменилось.

Таким образом, исключение словосочетаний со служебными словами (послелогоми) представляется нецелесообразным: 1) поскольку служебные слова являются словами; 2) поскольку граница между ними и знаменательными часто является зыбкой при процессе грамматикализации знаменательных слов в служебные [1, с. 5-6].

В крымскотатарском языке с послелогоми употребляются четыре падежные формы [7, с. 240]. Управляя данными падежами (основной, родительный, дательный-направительный, исходный)ю послелог связывает управляемое слово с глаголом (приглагольное послеложное управление) или с именем (приименное послеложное управление): *пармагъынен чертти* (щелкнул пальцами), *балалар ичюн кельди* (пришел из-за детей); *халкъ ичюнбир бахыт* (счастье для народа); *акъшамгъа къадар музакере* (собрание до вечера).

В крымскотатарском языке наиболее распространены глагольные словосочетания, поэтому обратим внимание на функционирование древнейших послелогов в составе этих конструкций.

Послелог *иле/-ле/-нен* – характеризуется предельным многообразием передаваемых значений, так как по сути относится уже к формально-грамматическим элементам, наиболее приближенным (как мы уже отмечали выше) к падежным показателям. Это древний послелог, который зафиксирован в «Кодексе Куманикусе» (1303 г.), обнаруженном среди книг итальянского поэта Франческо Петрарки. Именуемый в тексте послелог, соответствующий предлогу *с*, употребляется в разных формах в кыпчакских языках [3, с. 218].

В составе словосочетания данный послелог требует постановки имени или субстантивированного слова в форме основного или родительного падежа местоимений. В зависимости от семантики управляемого компонента наиболее распространенное значение имени с послелогом *иле/-ле/-нен* – совместность, соучастие – приобретает дополнительный оттенок объектности. Это может быть:

1) объект совершения действия: *газнен ишлемек* – работать с газом; *пытакъларнен пекитмек* – укрепить ветками; *анахтарнен ачмакъ* – открыть ключом.

2) субъект совершения действия, когда послелог сочетается с местоимением, с именем существительным одушевленным, часто со словами *берабер*, *бирликте*: *бизнен берабер кельмек* – прийти вместе с нами; *Энвернен бирликте язмакъ* – писать совместно с Энвером; *Качмазовнен лакъырды этмек* – разговаривать с Качмазовым.

Глаголы вышеназванной группы словосочетаний обозначают действия, направленные на объект. Данные слова характеризуются широкой сферой употребления, поскольку связаны с деятельностью человека. Это могут быть глаголы речи: *лакъырды этмек* – разговаривать, *сейлеишмек* – беседовать, переговариваться; глаголы движения: *кельмек* – приходиться, прибывать, *кетмек* – уходить, уезжать; глаголы со значением различных способов действия: *ишлемек* – работать, *пекитмек* – укреплять.

Послелог *ичюн* «с», «для», «ради», «чтобы» в сочетании с именами, местоимениями, именными глагольными формами также передает в составе словосочетания объектные отношения с дополнительными причинными оттенками значений.

Как отмечает А. Н. Кононов, представляется совершенно убедительным возведение этого послелога к основе *иç* «конец», «причина» [5, с. 17]. Этот древнейший послелог, тесно связанный с падежной категорией, функционально сближаясь с падежными суффиксами, часто дублирует их: *сени алмагъа чыкътым* – *сени алмакъ ичюн чыкътым* (вышел для того, чтобы взять тебя). В крымскотатарском языке он представлен в виде двух форм – *ичюн/чюн*: *кырымлыларчюн къанун алмакъ* – стать законом для крымцев.

Отметим, что в крымскотатарском языке наблюдается тенденция к активизации субъекта действия, а в силу этого вытеснение родительного падежа местоимений формой основного падежа: *севгинъ меним ичюн яшай* – *севгинъ мен ичюн яшай* (твоя любовь предназначена для меня).

Подводя итоги, сделаем следующий вывод: разнообразная семантика послелогов позволяет передать тончайшие оттенки мысли. Послелог является тем компонентом, который управляя словами в определенной падежной форме, связывает их с глаголами. Отметим, что именные словосочетания встречаются реже, чем глагольные.

Перспектива. По нашему мнению, только полный анализ и учет падежных грамматикализованных сложных форм, малоисследованных в крымскотатарском языке, может дать нам более полное представление о его системе и динамике развития, что представляет предмет нашего дальнейшего исследования.

Источники и литература:

1. Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях / В. М. Жирмунский // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 5-57.
2. Ибрагимова Ф. Именное управление в современном узбекском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф. Ибрагимова. – Ташкент, 1972. – 28 с.
3. История татарского литературного языка (XII – первая половина XX в.) / сост. : М. Закиев, Х. Курбатов, Ф. Хисамова, И. Баширова; ред. Х. Курбатов. – Казань : Фикер, 2003. – 656 с.
4. Казем-Бек М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка / М. А. Казем-Бек. – Казань : Казан. ун-т, 1846. – 457 с.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 596 с.
6. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка : морфология / П. С. Кузнецов. – М.: Изд-во МГУ, 1953. – 306 с.
7. Меметов А. Крымскотатарский язык : учеб. пособие / А. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь : Крымск. учеб.-пед. гос. изд-во, 2003. – Ч. 1 : Общие сведения о языке; Ч. 2 : Морфология. – 288 с.